

Эволюция церковного отношения к научному знанию: от Климента Александрийского и Тертуллиана к святым отцам IV—V вв. (на материале комментариев к первой главе книги Бытия)

Отношение святых отцов к античному философскому наследию характеризуется высоким уровнем критичности. Учителя Церкви IV—VIII веков (в статье рассмотрены высказывания святителей Василия Великого, Иоанна Златоуста, Григория Нисского, блаженного Августина Иппонского) ищут в писаниях древних натурфилософов, приверженцев стихийного материализма и античного атомизма, аспекты, несовместимые с православием, и прямо указывают на них. Речь идёт: об отрицании разумного творческого и телеологического начала в природе, о постулировании вечности материи, которая признаётся за источник всего сущего, и о нетеистических воззрениях на творческие силы вселенной, приводящих к мировоззренческим выводам пантеистического или атеистического характера. Разбору святоотеческой критики натурфилософских концепций нами были посвящены отдельные статьи¹.

Принципиальное отношение святых отцов к заблуждениям древности интересно, поскольку демонстрирует эволюцию церковного отношения к античному наследию: полемика (вплоть до отрицания) с языческими мудрецами не всегда была актуальна для Церкви. Пожалуй, лучшим примером «примирительного» периода является александрийский пресвитер Климент — видный апологет III века по Рождестве Христовом, ректор александрийской огласительной школы, автор трилогии «Увещевание к язычникам» («Προτρεπτικὸς πρὸς Ἑλληνας»), «Педагог» («Παιδαγωγός»), «Строматы» («Στρωματεῖς» — «ковёр из лоскутков»)².

¹ *Диакон Дионисий Васильев*. Критика атеистических элементов античных натурфилософских концепций в святоотеческих комментариях на первую главу книги Бытия // «Вестник Оренбургской Духовной Семинарии». — 2019. — Вып. 2 (11). — С. 114–122; *Он же*. Критика пантеистических элементов античных натурфилософских концепций в святоотеческих комментариях на первую главу книги Бытия // «Вестник Оренбургской Духовной Семинарии». — 2020. — Вып. 2 (15). — С. 12–18.

² *Смирнов Д.В.* Климент Александрийский // Православная Энциклопедия. М., Т. XXXV. С. 562–663; «Климент Александрийский» // *Аверинцев С.С.* София-Логос: Словарь. [Электронный ресурс]. // URL: <https://predanie.ru/book/216917-sofiya-logos-slovar/#/toc4>.

По мнению протопресвитера Иоанна Мейендорфа, «можно сказать, что Климент принадлежит к типу апологета, но более философски и творчески настроенного, чем авторы кратких апологий, адресованных римским императорам»³. Решая актуальную для своего времени задачу — «сделать христианство понятным и доступным современному эллинистическому миру, „проложить мосты“ между христианской верой и греческой философией...» — Климент Александрийский доказывал, что языческие учения частично содержали в себе христианские истины и что «между философией и Евангелием нет полной противоположности — обе стремятся к достижению высшей Истины»⁴: «Философия нужна была грекам ради праведности, до прихода Господа, и даже сейчас она полезна для развития истинной религии как подготовительная дисциплина для тех, кто приходит к вере посредством наглядной демонстрации... Ибо Бог — источник всякого добра: либо непосредственно, как в Ветхом и Новом Завете, либо косвенно, как в случае философии. Но возможно даже, что философия была дана грекам непосредственно, ибо она была „детоводителем“ (Гал. 3, 24) эллинизма ко Христу — тем же, чем и Закон был для евреев. Таким образом, философия была приготовлением, проложившим человеку путь к совершенству во Христе» («Строматы»). Иными словами, Климент Александрийский находит и подчёркивает у античных философов те моменты их учений, которые свидетельствуют об их теистических тенденциях. Апологет не был одинок в своём убеждении: на древних афонских фресках Платон и Аристотель соседствуют с ветхозаветными праведниками.

Совершенно иначе относятся к античному философскому наследию святые отцы. Прежде всего, они постулируют превосходство религиозного благочестия над естественнонаучным поиском и неподсудность религиозной жизни научным воззрениям.

Блаженный Августин утверждает суверенность Священного Писания по отношению к светским наукам по причине разницы в их предназначении: Библия предназначена для спасения души, науки — для удовлетворения житейских потребностей. «Но раз слова Писания, о которых мы говорим, изъясняются с столь многих сторон, пусть же умерят себя те, которые, надмеваясь светскими науками, на эти слова, предназначенные для всех благочестивых сердец, смотрят как на нечто неискusstное и грубое; которые, не имея перьев, пресмыкаются по земле и, обладая полётом лягушек, смеются над гнёздами птиц»⁵. Священное

³ Протопресвитер Иоанн Мейендорф. Введение в святоотеческое богословие. — Нью-Йорк, 1985. — С. 64.

⁴ Там же.

⁵ Блаженный Августин Иппонский. Творения. — М.: Паломник, 1997. — С. 152.

Писание опускает естественнонаучные подробности, ненужные для спасения души: «Многие входят в длинные рассуждения о подобных предметах, которые нашими авторами с гораздо большим благоразумием опущены как бесполезные для блаженной жизни, и, что ещё хуже, теряют при этом драгоценное время, которое должно быть посвящено спасительным предметам»⁶. «...Авторы наши имели правильное познание о фигуре неба, но Духу Божию, Который говорил чрез них, не угодно было, чтобы они учили людей о подобных, бесполезных для спасения, предметах»⁷. Отсутствие в Священном Писании детальных сведений о физическом мироустройстве не унижает священные книги: их предмет и назначение в другом — в спасении душ: «Ещё опаснее заблуждаются некоторые нетвёрдые наши братья, которые, слыша, как эти нечестивцы тонко и пространно толкуют о числе небесных тел и о каких угодно вопросах, касающихся элементов видимого мира, превращаются в нуль и, предпочитая их со вздохом себе и находя великими, брезгливо обращаются к Писаниям спасительнейшего благочестия и едва-едва касаются того, чем должны бы были питаться со сладостью, гнушаясь жесткости хлебного колоса (*segetis*) и вожделя цветов шиповника»⁸. Излишнее углубление в вопросы мироустройства вредно для спасения по причине непродуманной с духовной точки зрения траты времени: «На это я отвечу, что для правильного понимания, так ли всё это или не так⁹, произведено множество исследований людьми трудолюбивыми и с тонким умом; войти в рассмотрение подобных вопросов у меня теперь нет времени, да не должно его быть и у тех, которых мы хотим наставить в видах собственного их спасения и потребной пользы нашей Святой Церкви»¹⁰. «Но пусть говорят о небе, что хотят, отчуждившиеся от Отца, Иже есть на Небесах, — нам пускаться в утончённые исследования о расстояниях и величине звёзд и тратить на подобные изыскания время, необходимое на более важные и лучшие предметы, и бесполезно и непристойно»¹¹.

Блаженный Августин делает важнейшее с точки зрения православной гносеологии утверждение: какова бы ни была природа физического мира, её устройство не опровергает факт Божественного творения: «Я, со своей стороны, стою на середине, не утверждая ни того, ни другого, и прямо говорю, что в начальной ли фазе или же полною сотворена Богом луна, она сотворена Им совершенною, Бог есть Творец и Зиждитель природ»¹².

⁶ *Блаженный Августин Иппонский*. Творения. — С. 158.

⁷ Там же.

⁸ Там же. — С. 152.

⁹ Речь идёт о вращении небосвода.

¹⁰ *Блаженный Августин Иппонский*. Творения. — С. 159.

¹¹ Там же. — С. 163.

¹² Там же. — С. 162.

Те же мотивы наблюдаем у святителя Василия Великого. Рассуждать о физической природе мира — не дело Церкви: она должна радеть о спасении душ пасомых: «Исследование о сущности каждого существа, или подпадающего нашему умозрению, или подлежащего нашим чувствам, введёт в толкование самые длинные и многосложные рассуждения, и при рассмотрении этой задачи нужно будет потратить более слов, нежели сколько можно сказать о каждом из прочих вопросов. Сверх того ни мало не послужит к назиданию Церкви — останавливаться на таком предмете»¹³. Святой предельно ясно формулирует назначение картины мира, представленной в Священном Писании, — спасение человеческих душ: «Не паче ли прославлю Того, Кто не затруднил ума нашего предметами пустыми, но устроил так, чтобы всё было написано в назидание и усовершенствие душ наших?»¹⁴. Вообще, Церкви не подобает вмешиваться в естественнонаучные споры: «И если мы предпримем теперь говорить о таких предположениях, то сами впадём в такое же пустословие, как и их изобретатели»¹⁵. Явления, не объяснимые с точки зрения науки, могут быть предметом веры: «А если и не открыт [способ], то простота веры да будет крепче доказательств от ума»¹⁶. Церковные воззрения на мир, хотя и не предназначены для объяснения природных феноменов и не включают их количественных характеристик, не менее важны, чем естественнонаучные: «И поскольку писавшие о мире много рассуждали о фигуре земли, что она такое — шар ли, или цилиндр, или походит на кружок, со всех сторон одинаково обточенный, или на лоток, имеющий в середине впадину (ибо ко всем сим предположениям прибегали писавшие о мире, и каждый из них опровергал предположение другого), то не соглашусь ещё признать наше повествование о миротворении стоящим меньшего уважения потому единственно, что раб Божий Моисей не рассуждал о фигурах, не сказал, что окружность земли имеет сто восемьдесят тысяч стадий, не вымерил, насколько простирается в воздухе земная тень, когда солнце идёт под землёю, и как тень сия, падая на луну, производит затмения. Если умолчал он о не касающемся до нас как о бесполезном, то неужели за сие словеса Духа почту маловажнее объюродевшей мудрости?»¹⁷.

Далее, отвергая нетеистические взгляды на мир, святые отцы постулируют целесообразность творения. Святитель Василий Великий подчёркивает, что в основе мироздания лежит принцип разумности и добра:

¹³ *Святитель Василий Великий*. Беседы на Шестоднев. — Свято-Троицкая Сергиева лавра, 1902. — С. 15.

¹⁴ Там же. — С. 135.

¹⁵ Там же. — С. 20.

¹⁶ Там же. — С. 19.

¹⁷ Там же. — С. 135.

«В нас вложен природный разум, который учит присваивать себе доброе, а удалять от себя вредное»¹⁸. Святитель Григорий Нисский также указывает, что мир сотворён премудрым и всесильным Творцом: «Но на каждый вопрос о веществе решение у нас одно — не предполагать, будто бы премудрость Божия не могущественна, и могущество не премудро, а напротив того, держаться той мысли, что одно с другим неразрывно, что то и другое оказывается одним и тем же, так что совокупно и вместе с одним усматривается и другое. Ибо премудрая воля Божия явлена могуществом в совершаемом, а действенное могущество Божие совершено премудрою волею»¹⁹.

Полное постижение сущности Бога и Его Промысла, воплощённого в бытии, по словам отцов, невозможно. Святитель Василий Великий говорит, что разум человека перед лицом Бога подобен младенческому, почему полное познание бытия для нас бесполезно: «Было нечто, как вероятно, и прежде сего мира, но сие хотя и постижимо для нашего разума, однако же не введено в повествование как несоответствующее силам новообучаемых и младенцев разумом»²⁰. Сам Бог принципиально иноприроден человеку и миру; человеческие критерии к Нему не применимы. «Он — то, что ускользает от восприятия твоего разума; Он не ограничен величиной, не имеет (досл.: не охвачен) внешних очертаний, не соразмерен никакой силе, не связан временем, не заключён ни в какие границы. К Богу не приложимо то, что приложимо к нам»²¹.

Святитель Григорий Нисский отмечает, что человек способен увидеть только результат божественного творчества; способ творения нам недоступен: «Ибо подлинно единому Богу свойственно было видеть, что свет будет таким добром; нищета же нашего естества смотрит только на то, что совершилось, а закона, по которому совершается это, ни увидеть, ни похвалить не в состоянии, потому что похвала воздаётся тому, что познано, а не тому, что неизвестно»²². Вообще, неспособность человека полностью постичь Божественную премудрость естественна: «Если же затруднится сим дебелисть нашего ума, будучи не в состоянии проникнуть в тонкость Божией премудрости, то никто да не дивится тому, взирая на бедность нашего естества, для которого вожделенно не то, чтобы ни в чём

¹⁸ *Святитель Василий Великий*. Беседы на Шестоднев. — С. 113.

¹⁹ *Святитель Григорий Нисский*. О Шестодневе, слово защитительное брату Петру. [Электронный ресурс] // Портал: НИ-КА. — URL: <http://ni-ka.com.ua/index.php?Lev=oshestodneve>.

²⁰ *Святитель Василий Великий*. Беседы на Шестоднев. — С. 10.

²¹ Там же. — С. 154.

²² *Святитель Григорий Нисский*. О Шестодневе, слово защитительное брату Петру. [Электронный ресурс].

не погрешать, но чтобы в состоянии быть постигнуть хотя что-либо одно»²³.

Со святителями Василием и Григорием согласен святитель Иоанн Златоуст. Разумность и телеологичность творения не должны отвергаться на основании невозможности постижения их разумом: «И то самое, что мы не в состоянии постигнуть и понять цель всего сотворённого, пусть будет для нас не основанием неверия, но побуждением к славословию»²⁴. Неспособность постичь премудрость Творца разумом должна быть поводом не к хуле и неверию, а к прославлению Его: «Когда рассудок твой окажется бессильным и ум не будет в состоянии понять, тогда заключай о величии твоего Господа из того самого, что могущество Его таково, что мы не знаем с точностью даже цели созданного Им»²⁵.

Время апологетической «икономии» II–III веков по Рождестве Христовом, когда учителя Церкви, собирая «с востока и запада» (Мф. 8, 11) стадо Христово, искали опоры в культурном наследии античности, подошло к концу. На смену поиску общих у античной философии с православием элементов приходит нарочитая демонстрация различий между ними. Философия как второй «детоводитель ко Христу» исчерпала себя. Начиная с IV века (периода массовой катехизации после прекращения гонений при равноапостольном Константине Великом) Церковь Божия вступала в трудную и славную эпоху борьбы за Божественное учение с внешними и внутренними врагами — в эпоху Вселенских Соборов.

Вместе с тем важно отметить, что в своей критике святые отцы не доходят до безусловного отрицания античного наследия. А ведь такая тенденция также имела место в раннехристианской апологетике. Одним из виднейших её представителей был современник Климента Александрийского Квинт Септимий Флоренс Тертуллиан (155/165–220/240 гг.). Ригористичный «реакционер в отношении человеческого разума»²⁶, чуждый понятия «христианского гнозиса», Тертуллиан был, по мнению архимандрита Киприана (Керна), полной противоположностью Климента. По мнению Тертуллиана, наиболее полно выраженному в труде «Прескрипция против еретиков» («De praescriptione haereticorum»), философия является причиной возникновения ересей, а значит, источником

²³ Там же.

²⁴ «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Беседы на книгу Бытия». — Т. 4. — Кн. 1. — СПб.: Изд-во СПбДА, 1898. — С. 56.

²⁵ Там же.

²⁶ *Архимандрит Киприан Керн*. Патрология. — Т. 1.— М.-Париж: Православный Свято-Тихоновский Богословский Институт, 1996. — С. 170.

зла²⁷. Характерны два высказывания Тертуллиана. Первое: «Мы не нуждаемся ни в любопытстве после Иисуса Христа, ни в изысканиях после Евангелия»²⁸. Второе: «Что общего между Афинами и Иерусалимом, между Академией и Церковью, между еретиками и христианами?». Очевидно, что для данного мыслителя вера и знание, христианство и античность находятся в непримиримой вражде. Нелишним, по нашему мнению, будет напомнить печальный результат, к которому привела излишняя ригористичность Тертуллиана: «Его прямолинейный и решительный нрав не могли его удержать на линии умеренности и сдержанного отношения к людским слабостям. Ригоризм и суровость увлекли его в течение монтанизма. В начале III века он порывает с Церковью»²⁹.

По поводу приведённых выше высказываний Тертуллиана отец Киприан (Керн) пишет: «Так намечается один из путей христианского сознания, приводящий в конечном итоге к своеобразному христианскому духовному нигилизму»³⁰. По счастью, святые отцы избежали этой опасности: критикуя духовно опасные элементы античной натурфилософии, они не отвергают ни научный поиск как таковой, ни его достижения.

Так, отцы утверждают недопустимость принуждения к принятию религиозной картины мира. Например, блаженный Августин указывает, что человека, не желающего видеть связи земного миропорядка с небесным, нельзя принуждать к такому видению: «Если же кто-нибудь этих названий³¹, которыми привык обозначать низменные предметы, не хочет относить к высшим предметам, для созерцания которых старается очистить свой ум, в таком случае не следует заставлять его это и делать»³².

Более краток и категоричен святитель Иоанн Златоуст: «Но он не верит Писанию? Так отворачись от него, как от неистового и безумного»³³, — убеждение человека, отрицающего авторитет Священного Писания, нецелесообразно.

Крайне важна выводимая отцами недопустимость использования Священного Писания, авторитета Бога и Церкви в естественнонаучных спорах. Блаженный Августин указывает на недопустимость произвольных космологических построений со ссылкой на Священное Писание:

²⁷ См.: *Архимандрит Киприан Керн*. Патрология. — С. 179.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ Там же.

³¹ Меры, числа и веса.

³² *Блаженный Августин Иппонский*. Творения. — С. 179.

³³ «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Беседы на книгу Бытия». — С. 11.

«Между тем крайне позорно, даже губительно и в высшей степени опасно, что какой-нибудь неверный едва-едва удерживается от смеха, слыша, как христианин, говоря о подобных предметах³⁴ якобы на основании христианских Писаний, несёт такой вздор, что, как говорится, блуждает глазами по всему небу»³⁵. Ссылки на Бога и Его чудеса не должны использоваться в научных спорах: «И никто не должен в опровержение их³⁶ говорить так, что по действию всемогущества Божия, для Которого всё возможно, даже и такие тяжёлые воды, какими мы их знаем и ощущаем, могли разливаться выше того небесного тела, на котором находятся звёзды»³⁷. Использование Библии для опровержения доводов естествоиспытателей недопустимо, ибо ведёт к падению авторитета учения Церкви и насмешкам над Священным Писанием: «Считаем нужным здесь снова предостеречь против того заблуждения, против которого мы предостерегали в первой книге, чтобы кто-нибудь из наших, в виду слов псалма „*основа землю на водах*“ (Пс. 135, 6), не вздумал сослаться на это свидетельство Писаний в опровержение людей, столь тонко рассуждающих о тяжести элементов, потому что не сдерживаемые авторитетом наших Писаний и не зная, в каком смысле сказаны слова псалма, они скорее станут смеяться над священными книгами, чем отвергнуть то, что или восприняли на несомненных основаниях, или исследовали путём очевиднейших опытов»³⁸.

Святые отцы объясняют безразличие Библии к естественнонаучным подробностям принципом соответствия между подаваемым материалом и уровнем подготовки слушателей. Так, святитель Василий Великий указывает, что «антропоморфные» черты Бога в Священном Писании — дань удобству восприятия неподготовленными слушателями: «Когда же приписываем Богу глас, речь и повеление, тогда под Божиим словом не разумеем звука, издаваемого словесными органами, и воздуха, приводимого в сотрясение посредством языка, но, для большей ясности учащимся, хотим в виде повеления изобразить самое мановение в воле»³⁹. Святитель Иоанн Златоуст также подчёркивает, что библейские пове-

³⁴ О земле, небе и остальных элементах видимого мира, о движении и обращении, даже величине и расстояниях звёзд, об известных затмениях солнца и луны, круговращении годов и времён, о природе животных, растений, камней и тому подобном.

³⁵ *Блаженный Августин Иппонский*. Творения. — С. 152.

³⁶ Исследователей, ссылающихся на объективно существующие свойства воды.

³⁷ *Блаженный Августин Иппонский*. Творения. — С. 153.

³⁸ Там же. — С. 154.

³⁹ *Святитель Василий Великий*. Беседы на Шестоднев. — С. 33.

ствования рассчитаны на неподготовленную аудиторию: «Поелику он знал, что такое наставление соответствует им, то и избрал этот путь⁴⁰»⁴¹.

Наконец, учителя Церкви выводят важнейший принцип непротиворечия добросовестного научного подхода религиозному знанию. Блаженный Августин говорит, что нападки на Священное Писание — свидетельство недобросовестного научного подхода. Истинные суждения о природе не могут противоречить слову Творца: «Такому я отвечу, что я с удовольствием достиг того самого хлеба, от которого научился не обращаться к человеку за ответом согласно с верою о том, что отвечать людям, которые стремятся клеветать на наши спасительные Писания; так что всё, что только могли бы они сказать о природе вещей на основании верных доводов, всё это, как можем мы показать, не противно нашим Писаниям, с другой стороны, всё, что из каких-либо своих книг они привели бы противного нашим Писаниям, то есть кафолической вере, всё это, как можем мы или показать с некоторой силою, или же с несомненностью верить, совершенно ложно»⁴².

Итак, пастыри Церкви протестовали не против как такового научного (пусть даже преднаучного) подхода к бытию, святые восставали не против «стихий», «архэ», «гомеомерий» и «атомов». Для светочей церковного богословия неприемлемыми были те аспекты синкретических религиозно-философских воззрений, которые, будучи приняты в качестве мировоззренческой основы, подрывали бы веру Церкви во Единого Бога, «Творца небу и земли, видимым же всем и невидимым».

⁴⁰ Беседа с афинянами, апостол Павел преподавал им *«наставление от предметов видимых»*.

⁴¹ «Иже во святых отца нашего Иоанна Златоустаго, архиепископа Константинопольского, избранные творения. Беседы на книгу Бытия». — С. 10.

⁴² *Блаженный Августин Иппонский*. Творения. — С. 153.